

В. Н. Ярхо

КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(К вопросу о социальной позиции аттического крестьянства)

В советской научной литературе все более прочно устанавливается взгляд на Аристофана как на выразителя социальных устремлений аттического крестьянства. К мнению литературоведов, большинство из которых давно стоит на этой точке зрения¹, начинают присоединяться историки², еще сравнительно недавно желавшие видеть в Аристофане идеолога аристократов или хотя бы умеренных олигархов³. Как ни важно определение социального лица Аристофана для истории античной литературы, оно имеет еще особое значение для истории социальных отношений в Афинах времени Пелопоннесской войны: древнеаттическая комедия в целом и творчество Аристофана в особенности едва ли не единственный литературный источник, в котором наиболее полно и непосредственно, хотя и в очень специфической форме, отразилась социальная позиция афинского крестьянства в последней трети V в. до н. э. Всестороннее освещение этой темы представляется невозможным в пределах журнальной статьи. Поэтому ниже будут прослежены только наиболее существенные, на наш взгляд, аспекты взаимоотношений между аттическим крестьянством и афинской демократией в той мере, в какой это отражено в комедиях Аристофана.

Необходимо, прежде всего, уточнить социальную характеристику того афинского крестьянина, который является центральной фигурой большинства аристофановских комедий.

По своему месту жительства и имущественному положению этот герой Аристофана по большей части обитатель маленького местечка, незамет-

¹ С. И. Радциг, История древнегреческой литературы, М.—Л., 1940, стр. 246, 252; И. М. Тронский, История античной литературы, Л., 1946, стр. 160; «Античная литература» под ред. Н. Ф. Дертани, М., 1940, стр. 20; ИГЛ, т. I, стр. 470—473; БСЭ², т. 3, 1950; ВДИ, 1947, № 2, стр. 28 сл. Впервые в русском (и мировом) литературоведении мысль о крестьянском мировоззрении Аристофана была высказана еще в 1849—1950 гг. Б. И. Ордынским («Отечественные записки», 1849, январь, отд. II, стр. 12—17; 1850, июнь, отд. II, стр. 123—124).

² В. С. Сергеев, История древней Греции, под ред. Н. А. Машкина и А. В. Мишулина, изд. 2-е, исправл. и дополн., 1948, стр. 302. В дореволюционной русской историографии этой точки зрения придерживался В. А. Шеффер, Афинское гражданство и народное собрание, т. I, М., 1891, стр. 159 сл.

³ А. И. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. II, Пгр., 1922, стр. 168; В. С. Сергеев, История древней Греции, изд. I, М., 1939, стр. 219; А. В. Мишулин, Античная история Греции и Рима, М., 1944, стр. 101.

ной деревеньки — какой-нибудь Афмонеи (Рах, 190), Холлиды (Ach., 406), Кикинны (Nub., 210), Конфилы, Флии (Vesp., 233), Пеониды (Lysistr., 852). Он привык к своему селу, к своим овцам, пчелам, оливкам, виноградникам¹. Хозяйство его носит ярко выраженный натуральный характер (Ach., 33—36). Крестьяне в «Мире» вспоминают, что в счастливые довоенные годы они пережили «много сладостного, милого и лишнего расходов (ἀδελαντα)» (Рах, 593—594). Аристофановский землевладелец — отнюдь не самый зажиточный из той категории афинских земельных собственников, которые могут сами обеспечить себя гоPLITским вооружением: богатый гоPLIT обычно берет с собой в поход слугу для несения поклажи (Thuc., III, 17, 3), аристофановскому крестьянину приходится тащить ее самому (Рах, 1128—1129). Вообще мы никогда не слышим в комедии о большом числе рабов у аристофановского земледельца. Называются обычно только одно-два имени: в фаллической процессии Дикеополя принимает участие один раб; два раба месят навоз для жука, на котором собирается лететь Тригей; один раб, Карион, сопровождает повсюду Хремила, и о других ничего не слышно; наконец, в песне хора из «Мира» (1140—1160) описывается образ жизни, более или менее типичный для аристофановского земледельца, — и здесь мы узнаем только о двух рабах. Аристофановский γεωργός — это мелкий аттический землевладелец, обладатель небольшого участка, разделанного большей частью под оливки, виноградники и фруктовый сад. Небольшая запашка под ячмень или пшеницу, конечно, не исключается (ср. хотя бы Рах, 1141—1142, где речь идет об озимом посеве). Дикеополь или Тригей — это не ксенофоновский Исхомах, обладатель большого имения, которым он распоряжается через управляющего. Нет, он работает сам и в поле и в саду, — и поэтому он честный т р у ж е н и к, психологии которого чужда расточительность, распушенность нравов, всякие аферы и жульнические проделки.

Но нельзя ни на минуту забывать, что в то же время аттический крестьянин — рабовладелец и гражданин рабовладельческой республики. Это выражается не только в том, что он лично эксплуатирует труд рабов — пусть даже только одного или двух. Это выражается еще и в том, что в государственную казну, как один из ее источников, поступают доходы от Лаврийских серебряных рудников, где в невыносимых условиях работают рабы; в том, что форос, который поступает в Афины, есть не что иное, как результат эксплуатации рабов союзниками Афин, которые поэтому дерут со своих рабов две шкуры вместо одной; в том, что на эти деньги государство устраивает пышные празднества, строит храмы, воздвигает статуи; в том, наконец, что сам Стрепсиад или Филоклеон, Тригей или Дикеополь может в любой момент избить своего раба, сослать его на мельницу, в каменоломни, в рудники.

Хотя ни в одной из комедий Аристофана не ставится в полном объеме проблема рабства, можно составить себе все же довольно отчетливое представление об отношении поэта к этим вопросам. То, что действующие лица его комедий пользуются услугами рабов, это само собой разумеется. Даже у Праксагоры («Экклесиазусы»), несмотря на введенное ею же обобществление имущества, сохраняется служанка. Что же касается обращения хозяев со своими рабами, то мы без конца слышим о побоях и пытках (Vesp., 435, 440, 449—451; Рах, 451—452; Ran., 618—621). Правда, Стрепсиад вынужден признать, что война сильно пошатнула авторитет господской власти: «Пропади ты пропадом, война, по многим причинам! — восклицает он в сердцах. — Мне нельзя даже наказывать моих рабов» (Nub.,

¹ Ach., 33—36; Nub., 43—45, 47, 50; Рах, 1159—1171 и др.

6—7): озлобленный раб, того гляди, убежит¹ или, того хуже, подведет своего хозяина под какое-нибудь опасное судебное дело (*Lysias*, VII, 16, 35; III, 33; IV, 12, 15; V, 3).

Аристофан, разумеется, нигде не порицает применения побоев и пыток по отношению к рабам. Зато каким негодованием кипит Дионис при мысли, что Ксанфий — раб и пройдоха — мог бы лежать на милетских коврах в обнимку с танцовщицей, да еще попытался бы бить Диониса, наряженного рабом (*Ran.*, 543 слл., ср. 531)!

Не случайно Эсхил у Аристофана считает Эврипида достойным смерти за то, что он осмелился вывести на сцене раба наравне с господином (*Ran.*, 949—951): между афинской демократией для свободных граждан и признанием за рабом права на человеческое существование — непроходимая пропасть. Это право признавалось за рабом только в том случае, когда ему оказывалась честь умереть за государство рабовладельцев. Так, накануне битвы при Аргинусах в афинское войско были мобилизованы метеки и рабы. Это событие нашло отражение в «Лягушках», где, между прочим, Харон отказывается переправлять в подземное царство раба, если он «не сражался на море за собственную шкуру» (*περί τῶν κρεῶν* — *Ran.*, 190—191). Аристофан целиком одобряет это мероприятие, хотя его и корбит, что после первого же морского сражения рабы оказались на равных правах с господами (*Ran.*, 693—696).

Рабовладельческий характер мышления Аристофана, его героев и его зрителей совершенно очевиден, и меньше всего приходится ожидать от Аристофана критики по адресу афинского государства как государства рабовладельческого.

Но чем же вызваны нападки Аристофана на современное ему государственное устройство? Не тем ли, что оно является демократическим?

Как видно из начала парабасы «Ахарнян» (ст. 630—632), еще при жизни Аристофана поэту приходилось отводить от себя обвинения в антидемократической направленности его пьес. И в новое время беспощадная сатира на Клеона и других вождей агрессивных кругов афинской демократии долгое время служила главным аргументом в руках тех исследователей, которые склонны были приписывать Аристофану олигархическую идеологию. Следует, однако, разобраться в том, в каких условиях возникают нападки Аристофана на демагогов и к чему сводятся его обвинения.

Речь идет, разумеется, не о том, в какой мере эти обвинения соответствуют действительности: на ярко тенденциозном, гиперболическом образе Пафлагонца можно видеть, какие явления политической жизни Афин вызывают негодование аттического земледельца. Причину всех недостатков современной ему афинской демократии Аристофан видит в войне, в безвыходном положении аттических крестьян, потерявших свои участки и доверившихся демагогам в надежде на получение пропитания. С точки зрения Аристофана, обман народа является основным средством демагогов удержаться у власти. Вся их деятельность представляется как сплошная вереница обмана, хитростей, лукавства, грубой лести и тому подобных методов². Любимый глагол поэта, которым он характеризует взаимоотношения народа и демагогов, — *ἐξαπατᾶν* (*Equ.*, 48, 809, 1103, 1117, 1224, 1345, 1357; *Vesp.*, 282, 901). Добавим к этому *ἑορτεύειν* и *κολακεύειν* (*Equ.*, 48, 1116), *καταγελᾶν* (713), *μακκᾶν* (62, 396), а также *χαύειν* и его

¹ *Equ.*, 21 слл.; *Ran.*, 451—452; ср. Х е н., Мемор., II, 10, 1—2; Т h u с., I, 139, 2. Так оно и случилось во время сицилийской экспедиции и после захвата спартанцами Декелии (Т h u с., VII, 13, 2; 27; Х е н., Vestig., IV, 26).

² Ср. *Lysias*, XX, 20 — в неразумных решениях виноват не народ, а обманувший его демагог — *ὁ ἐξαπατῶν ὄμιλος*.

производные. Так, народ, благоразумный у себя дома, теряет способность рассуждать здраво, как только он попадает на Пникс и, разинув рот (χεχρηεν), слушает речи ораторов. Сама популярность демагогов объясняется тем, что народ, разинув рот (χεχρηη), внимают их обещаниям, ожидая получить материальную поддержку в бедственном положении. За это и город Афины удостоивается иронического названия Κεχηραίων πόλις — «город зевак» (Equ., 752—755, 804. 1262), а афиняне — бранной клички «зевак», «растяп», «раззяв» (χαυνόπρωκτοι, χαυνοπολίται — 104, 106, 635). В свою очередь, демагоги и ораторы ἐγχεῖσθαι — «насмехаются, скалят зубы» над простодушными гражданами¹.

Итак, Пафлагонец-Клеон прежде всего обманщик и льстец².

Все эти качества, неприглядные сами по себе, служат демагогу для главной цели — обогащения и наживы. Пользуясь тем, что народ «восьмую зиму живет в бочках, в норах, в башенках», Клеон усыпляет его великодержавными обещаниями, а сам между тем запускает руку в государственную казну (Equ., 792—793, 801—803). Алчность и корыстолюбие, казнокрадство и взяточничество всех демагогов, а особенно Клеона, составляют постоянный предмет нападок Аристофана. Клеон характеризуется как ἀρπαξ (Equ., 137; ср. 205, 802) — «прорва» (ἀρρῦδι ἀρπαγῆς — 248), κλέπτῆς — вор³. Клеон хвастается тем, что он указал народу на новые источники доходов, широко употребляя доносы, конфискации⁴, обложения городов и т. п. (Equ., 774—776, 798). На это Колбасник возражает, что Клеон заботится не о благе народа, а о том, чтобы ему самому было удобнее под прикрытием войны расхищать казну и вымогать взятки у союзников, пока народ не замечает его мошенничеств и, теснимый нуждой, рад получать подачки (Equ., 801—804). Вообще рассуждения о том, как демагоги наживаются за счет союзников, пантажируя местных богачей, в то время как народу от этого не остается даже объедков, достаточно часты у Аристофана⁵.

В другом случае (Equ., 824—829) Клеон обвиняется в том, что он за большие взятки укрывает или обеляет должностных лиц, виновных в каком-либо преступлении. Вместо того чтобы внести соответствующий штраф в казну, эти лица предпочитают подкупить Клеона, о котором говорится, что он «нализался конфискованного имущества» (Equ., 103). Народ опять же ничего не получает. Наконец, тремя стихами ниже Клеону предъявляется уже совершенно абсурдное обвинение в том, что он получил взятку более чем в 40 мин от митиленян (Equ., 832—835). Это, повидимому, совершенно не вяжется с позицией Клеона в митиленском вопросе. Хотя и здесь древние комментаторы предложили свое толкование (Lucian., Timon, schol., 30), но надо признать, что Аристофан просто прибегает к очередной инсинуации против своего противника.

Алчность и корыстолюбие демагогов становятся у Аристофана предметом поговорок, проклятий, каламбуров. Так, Колбасник говорит о Клеоне, что он, «вбежав в пританей с пустым брюхом, выбегает обратно с наполненным» (Equ., 280—281). На стяжательство Клеона намекает игра слов в ст. 79: раб говорит, что у Клеона τῷ χεῖρ' ἐν Αἰτωλοῖς, ὁ οὐ;

¹ Vesp., 721, 1007; ср. Equ., 1312. Ср. Plutarch., Solo, 30; Diog. Laert., I, 52, по другому чтению — κοῦφος.

² Equ., 43 и 890; ср. 396, 633, 713, 789, 859, 1031—1032.

³ Equ., 296, 1127, 1147, 1149, 1224; Nub., 591; Vesp., 759, 927, 1227; Pax, 652.

⁴ Жалобы на корыстные цели демагогов при конфискации имущества ср. Lysias, XVIII, 16, 17, 20; XIX, 51, 57; XXV, 26; XXVII, 1, 11; XXX, 22. При этом Лисий, несколько идеализирующий афинскую демократию, старается смягчить эти упреки — XIX, 49.

⁵ Vesp., 668—679, 895 сл., 903 сл.; Pax, 639—648.

δ' ἐν Κλωπίδων — «руки в стране этолийцев, а ум — в деме Клопидов». Схолиаст не без основания видит в «этолийцах» намек на глагол αἰτέω — «требую» (ср. ст. 66), а в Клопидах — переделку названия аттического дема Кропиды, чтобы получилось слово, производное от κλώψ — вор¹.

Аналогичными чертами наделяет Аристофан и других политических деятелей «радикальной демократии». Так, в «Осах» под видом пса Лабета изображен стратег и демагог Лахет — льстец и обманщик (ст. 901), самый корыстолюбивый и прожорливый из всех псов (ст. 923, 953), который один сожрал сицилийский сыр, не поделившись с моряками и судьями (ст. 836—838, 908—911). В той же комедии раб видит во сне, как демагог Феор заседает в народном собрании с головой ворона (τὴν κεφαλὴν κόρακος ἔχων); Аристофан, разумеется, намекает здесь на алчность, присущую демагогам: ὡς ἀρπαγὰ ἀπὸν σκώπτων, замечает схолиаст. Тут же в народном собрании присутствует и Алкивиад, который, картавя, говорит вместо «Θέωρος», — «Θέωλος» и вместо κόραξ — κόλαξ. В Θέωλος — ясная игра слов θεός и ἄλλυμι, т. е. Феор достоин того, чтобы его погубили боги (ср. 418: Θεώρου θεοισχυθρία). Κόλαξ (льстец) в приложении к демагогу говорит само за себя (ср. Vesp., 419, 599—600, 1240 schol.).

Известному демагогу Гиперболу, лидеру «радикальной демократии» после смерти Клеона, Аристофан уделяет сравнительно мало внимания. Но и в тех немногих намеках, которые разбросаны в его ранних комедиях, Гипербол наделен типичными чертами демагога. Он изображается как любитель судебных процессов (Ach., 846—847); крючкотворству Гипербол научился у софистов (Nub., 874—876); он нажил себе состояние διὰ πονηρία (благодаря своей порочности — Nub., 1065—1066). Во «Всадниках» триеры отказываются выступать в поход под начальством Гипербола, чтобы он, возымев власть, «не начал насмехаться над государством» (ст. 1313). Бделиклеон в «Осах» особенно доволен тем, что его отец, излечившись от страсти к сутяжничеству, не будет больше жертвой издевательств обманщика Гипербола (ст. 1007), который держал его в своей власти, прельщая тремя жалкими оболами (ср. schol.)².

Всеми этими чертами наделяются демагоги и в комедиях более позднего времени. Так, в «Лягушках» (678—683, 1534) демагог Клеофонт обвиняется в чужеземном происхождении, подобно тому, как еще в «Ахарниях» (517—518) Аристофан характеризовал как «чужеземцев» всех демагогов и в том числе оратора (λάλος ξυνηγόρος) Эвафла, сына Кефисодема (Ach., 704—705), не говоря уже о «Всадниках», где Клеон выступает в образе раба-варвара. В другом месте Аристофан клеймит Клеофонта как развратника (Thesm., 805; ср. Equ., 765). Другой демагог, Архедем, тоже является чужеземцем и отличается величайшим распутством (Ran., 416—421). В «Лягушках» (359—360) Аристофан снова корит демагогов, которые возбуждают граждан с корыстной целью извлечь для себя выгоду. В «Экклесiazусах» демагоги опять названы πονηροὶ πρόξαται (176—177, 185), а их советы только приносят несчастье государству (ст. 192—196).

Итак, характеристика Клеона и других демагогов у Аристофана достаточно недвусмысленна. Можно добавить к этому нелестные высказывания поэта и о других представителях власти, использующих в корыстных целях свое положение — о посллах, наживающихся на высоких сutoчных³, о пританах, вымогающих взятки у граждан⁴.

Все эти нападки Аристофана показывают, что его устами масса зри-

¹ См. также Equ., 956 и schol.; 987—996; Nub., 591.

² См. также Pax, 684, 921, 1319.

³ Ach., 65—76, 87, 90, 109, 114, 135, 602—606 — в последнем случае ср. игру слов Καταγέλα — вымышленное название города — с глаголом. καταγέλαν.

⁴ Pax, 907 сл., Thesm., 936—937; ср. Av., 1111—1112.

телей на праздниках Великих Дионисий или Ленеев, т. е. главным образом крестьян, сошедшихся в город на праздник (в годы же войны крестьянство вообще составляло большинство зрителей), выражала недовольство той формой взаимоотношений, которые сложились между большинством демоса и богатой рабовладельческой верхушкой, тем социальным расслоением, которое подрывало экономическую основу полиса. Но наряду с этим ни в одной комедии, ни в одном стихе Аристофан не выражает сомнения в правильности тех основных принципов, на которых покоилась афинская демократия, как экономических, так и политических.

В политическом отношении афинская государственность основывалась на суверенном праве народного собрания решать все дела государства. Аристофан нигде не выступает против этой основной прерогативы демоса. Иронические высказывания по адресу народного собрания¹ направлены только против потребительского отношения к государству; современным ему нравам Аристофан противопоставляет высокое сознание общественного долга, которым вдохновлялось поколение афинян, заложившее основы демократии в эпоху греко-персидских войн (Есcl., 306—308).

В экономическом отношении могущество афинской демократии основывалось на ее главенствующем положении в Морском союзе, на бесконтрольном расходовании флороса, на эксплуатации союзников. Поэтому для понимания подлинного отношения Аристофана к афинской демократии важно выяснить его взгляд на сущность афинской морской державы. И вот оказывается, что комедия Аристофана выступает с положительной оценкой таких необходимых условий существования «радикальной демократии», как морская гегемония Афин и эксплуатация союзников.

Морское могущество Афин является предметом гордости и восхищения поэта. Прошлое поколение одерживало победы как в пеших битвах, так и в морском бою (Еqu., 567). Точно так же «сражались на море» старики-ахаряне, олицетворяющие весь афинский народ. А старики-гелиасты в «Осах» вспоминают о том, как они покорили врагов, плывя к ним на триерах (т. е. направляясь в Малую Азию), и овладели многими городами мидян. При этом участники экспедиции старались как можно лучше исполнить свои обязанности гребцов (Vesp., 1091—1098). Из других морских сражений прошлого упоминаются Аристофаном также осада Византия в 478 г. и острова Наксоса в 473 г. (Vesp., 236, 355). Комедия с благодарностью говорит о Мильтиаде, Аристиде и Фемистокле как основателях морского могущества Афин (Еqu., 1325, 813—816). При этом в заслугу Фемистоклу ставится даже его изгнание (Еqu., 819).

Дело здесь не в том, что Аристофан прославляет прошлое как антитезу настоящему: современный Аристофану флотоводец Формион возвеличивается наравне с Миронидом (Lysistr., 804), как образец простоты и строгости нравов, хотя блистательная победа при Навпакте была одержана Формионом в 429 г. и, конечно, не относилась к прошлому Афин². Не относилась также к прошлому Афин и морская экспедиция против Коринфа, предпринятая Афинами в сентябре 425 г. при участии 200 всадников (Thuc., IV, 42). Особенно значительным военным событием эту экспедицию считать нельзя, и Аристофан упоминает о ней во «Всадниках» (595—610) для того, чтобы сделать комплимент своим временным союзникам. Но показательно, что Аристофан отмечает успех коринфской экспедиции, которая могла оказаться возможной только благодаря морскому могуществу Афин. Недаром наряду с Палладой хор во «Всадниках» призывает морского бога Посейдона, которому «любезны быстрые, принося-

¹ Ach., 598, 607; Vesp., 31—36; Eccl., 183—188.

² Thuc., II, 84—92. При Потидее Формион командовал гоплитами — Thuc., I, 64—65.

щие награду, с выкрашенным носом триеры» (554—555), и не случайно этот бог в настоящее время наиболее любезен из всех богов Формиону и афинянам (Equ., 559—564).

Для характеристики отношения Аристофана к афинской морской державе важное значение имеет толкование двух спорных мест из его комедий — «Лягушки» (1463—1465) и «Мир» (506—507). В «Лягушках», 1463—1465, Эсхил пророчесствует афинянам, что они спасутся тогда,

τὴν γῆν ὅταν νομισῶσι τὴν τῶν πολεμίων
εἶναι σφετέραν, τὴν δὲ σφετέραν τῶν πολεμίων,
πόρον δὲ τὰς ναῦς, ἀπορίαν δὲ τὸν πόρον

«когда вражескую землю будут считать своей, а свою — вражеской, корабли — источником дохода, а доход — недостатком». Объяснение этим изречениям дает историческая и военная обстановка в Афинах времени Пелопоннесской войны. Известно, что по плану ведения войны, предложенному Периклом, афиняне решили покинуть аттическую землю и перенести всю тяжесть борьбы на море. При этом Перикл, предусматривая возможность вражеского нашествия, советовал в качестве контрмеры вторгнуться в Пелопоннес с моря (Thuc., 143,4; Ps.-Xen., Ath. Pol., II, 16). Как видно из приведенных стихов «Лягушек», Аристофан устами Эсхила напоминает афинянам о правильности первоначального плана ведения войны, предложенного Периклом. Но совет Эсхила считать корабли источником дохода, т. е. уделять главное внимание укреплению морского могущества Афин, целиком соответствует и другому наставлению Перикла, именно — его указанию на значение для Афин мощного морского флота (Thuc., II, 62, 3).

И в более ранних произведениях поэта, в том числе и в тех, в которых он выступает особенно ярким противником войны, имеются те же мысли о значении для Афин их морской гегемонии. Еще во фрагменте, относящемся к «Пирующим», первой комедии Аристофана, содержится высказывание, принадлежащее, повидимому, старику-отцу, не одобряющему сутяжничества своих соотечественников:

εἰς τὰς τριήρεις δεῖν ἀναλοῦν ταῦτά καὶ τὰ τεῖχη,
εἰς οἱ ἀνάλουν οἱ πρὸ τοῦ τὰ χρήματα (фр. 220)

«Эти деньги следует тратить на триеры и городские стены — на то, на что их тратили предки». Как видим, это наставление повторяет политическое завещание Фемистокла (Thuc., I, 93). В «Ахарнях» Дикеополь называет моряков спасителями государства (σωσίπολις) и считает более целесообразным платить повышенное жалование им, чем наемникам-фракийцам (Ach., 162—163). Схолиаст замечает по этому поводу, что в противном случае «станет негодовать вся масса наших моряков, которые много трудятся на триерах, а получают мало». Одной из первых мер преобразованного Демоса во «Всадниках» является полный расчет с гребцами на военных кораблях, которым до сих пор жалование выплачивалось не всегда аккуратно (1366—1367). При этом Демос стыдится своих прежних поступков, когда вместо того, чтобы тратить деньги на постройку триер, он расходовал их на раздачу (1350—1355). Таким образом, очень показательно, что омоложенный Демос, вернувшийся к идеалу марафонских времен, проявляет заботу о флоте и сознает его могущество. Значение этого обстоятельства несколько не уменьшается от комического оформления мероприятий Демоса (Equ., 785, 1368).

Последний совет, содержащийся во второй половине ст. 1465 — «ἀπορίαν δὲ τῶν πόρον», примыкает к предыдущим и объясняется как следующим

1466 стихом, так и примечаниями схолиаста. В ответ на наставление Эсхила Дионис отвечает:

εὖ, πλὴν γ' ὁ δικαστὴς αὐτὰ καταπίνει μόνος

«Ты верно говоришь, кроме того, что один только судья это проглатывает» (Ran., 1466). Схолиаст по этому поводу замечает: «Считать, что единственный источник дохода — иметь как можно больше кораблей. Остальной же доход, каков бы он ни был в пределах нашей страны (здесь следует читать εἶσος τῆς γῆς, так как εἶσος τῆς γῆς не имеет никакого смысла¹), считать убытком. Таковы расходы на судей, феорикон и деньги за посещение народного собрания. Итак, Аристофан советует все расходы по этим статьям обратить на корабли». И приводя затем цитированный нами ст. 1466, схолиаст добавляет: «Больших расходов стоит судейское жалование». Если сравнить это с упомянутым упреком по адресу Демоса во «Всадниках» (1350—1355) и с цитированным выше фрагментом 220 из «Пирующих», то наиболее вероятным толкованием последней строки эсхилиевского прорицания будет следующее: морское могущество Афин является действительным источником их благополучия, а все то, что граждане по заблуждению считают для себя доходом, т. е. раздачи и плата судьям, в действительности ослабляет государство, так как отвлекает средства от постройки мощного флота.

В «Мире» (506—507) Гермес предлагает афинянам, если только они хотят выпатчить из пещеры богиню мира, «отступить несколько к морю». К этому месту предлагались различные толкования и привлекались уже известные нам стихи 1465 «Лягушек» и 1350—1353 «Всадников». Схолии дают также несколько объяснений: 1) Аристофан, помня о победе, одержанной над персами, призывает афинян заботиться о морском могуществе; либо, 2) призывает освободить лаконскую землю, занятую на Пелопоннесе; либо, наконец, 3) снять блокаду с сухопутных государств и тем приблизить конец войны. Наиболее вероятным представляется первое толкование схолиаста, тем более, что оно подкрепляется двумя сообщениями Фукидида (II, 13,2 и 65,7). В соответствии с этим смысл разбираемых стихов можно передать следующим образом: «Удовольствуйтесь вашей морской державой, как она есть, и не притязайте на большее». Следовательно, и в комедии, посвященной заключению мира, буквально за несколько дней до его подписания, снова звучит напоминание о морском владычестве Афин.

Что касается отношения Аристофана к эксплуатации афинских союзников, то в научной литературе уже была показана ошибочность распространенной точки зрения, согласно которой Аристофан в «Вавилонянах» выступал якобы в качестве защитника союзников². Как мы уже видели, поэт протестует не против взимания φόρος, а против его несправедливого распределения, когда львиная доля попадает в руки демагогов. Как мыслятся взаимоотношения между союзными городами и их будущим «покровителем» Колбасником, достаточно хорошо видно из ряда пассажей во «Всадниках». Еще в прологе комедии рабы Демоса развешивают перед Колбасником ослепительную картину его будущего могущества. Он будет верховным владыкой (ἀρχέλας) вереницы народов, гаваней и рынков, караванов грузовых судов, всех островов. Аппетиты рабов настолько велики, что они даже пытаются заставить Колбасника с риском для глаз одно-

¹ С. Я. Лурье, *Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии*, рукопись докторской диссертации, Библиотека им. В. И. Ленина, 1943, стр. 259—265.

² С. Я. Лурье, *Эксплуатация афинских союзников*, ВДИ, 1947, № 2.

временно окинуть взором Карию и Карфаген (Equ., 163—175). Как известно, Кария с начала Пелопоннесской войны была причислена к афинской симмахии, но уже в 430 и 428 гг. афинянам пришлось посылать экспедиции за контрибуцией (*ναῦς ἀρχυρολόγους*), и притом безуспешные (Thuc., II, 69; III, 19). Что же касается Карфагена, то Аристофан, конечно, утрирует, но не без основания, экспансионистские стремления афинян на запад (ср. у Thuc., VI, 90); идея сицилийского похода неотступно занимала умы афинян (Plutarch., Pericl., 20). Вошедший в свою роль Колбасник в одном из пророчеств обещает, что афинский народ, владыка земли и Красного (Эрифрейского) моря, будет судить в Экбатанах, столице Персии, куда, очевидно, распространится его могущество (Equ., 1088—1089). Недаром хор несколько раз (Equ., 1330 и 1333) называет афинский народ «самодержцем и царем Эллады» (т. е. всего греческого мира, а не одной лишь Аттики). Наконец, в стихах 839—840 предполагается, что Колбасник, став владыкой государства, с трезубцем в руках (т. е. символом власти Посейдона над морем) станет начальствовать над союзниками, у которых он выжмет много денег, *σεῖον καὶ ταραττῶν*. В этой характеристике, помимо самого факта эксплуатации союзников, обращает на себя внимание и образ действий. *Σείω* имеет двойное значение: 1) погрязать трезубцем, как Посейдон, и 2) трясти кого-нибудь — в значении «вымогать». В этом смысле оно употреблено и в «Мире», где говорится, как демагоги «трясли» (*ἔσειον*) жирных и богатых из числа союзников» (Paus., 639). Свиды и Фотий, ссылаясь на фрагменты Аристофана и Телеклида, также отождествляют *σειῖται* с *τὸ σοχοφάτῃσαι*. Таким образом, очевидно, что с переменной действующих лиц у руля государственного управления отношение Аристофана к союзникам вряд ли могло измениться; никакого осуждения подобной практики у Аристофана нет. Экономическая основа благоденствия афинской демократии признается поэтом как нечто само собой разумеющееся, как признавалось это и всеми слоями афинского демоса, не исключая крестьянства.

В буржуазной литературе об Аристофане широким распространением пользуется мнение, будто комедия Аристофана консервативна по самой природе комического, так как она должна-де осмеивать настоящее, то в качестве антитезы она восхваляет прошлое, а так как для Аристофана прошлым является эпоха греко-персидских войн, то ей он и отдает свои симпатии. Рассуждение это глубоко неверно, помимо своей эстетической несостоятельности, еще и потому, что симпатии Аристофана к эпохе марафономахов социально вполне обоснованы. Поколение марафономахов он ценит именно за то, что оно своими подвигами создало основы афинского могущества, обеспечило право афинян на первое место в Морском союзе и на получение форося¹. Во-вторых, эпоха марафономахов была временем утверждения афинской демократии гоппитов, крестьянской по своей экономической основе, — не удивительно, что именно здесь поэт аттических земледельцев видит свой идеал, олицетворяя его преимущественно в коллективном образе стариков, составляющих хор в «Ахарнянах» и «Осах». Ахарняне — «мощные старики, крепкие, как дуб, нестигаемые, марафономахи, твердые, как ильмовое дерево» (Ach., 180—181); в молодости они обладали колоссальной физической силой (Ach., 709—712), они могли бы посоперничать с самим Фаиллом (211—215), известным бегуном и храбреем времени Персидских войн (Her., VII, 47; Paus., X, 9, 2). Это — племя мужей, испытавших много невзгод и проливших обильный жаркий пот ради отечества в битве при Марафоне (Ach., 694—696), последние остатки поколения, которое в 478 г. осаждало Византий (Vesp.,

¹ Ach., 694—696; Vesp., 1097—1100; L y s i s t r. 652.

234—236). Исконные обитатели Аттики, они были некогда могущественны в битвах и защищали отчужденную землю, когда пришел варвар, стремясь выкурить их огнем и дымом из родных гнезд. С тех пор повсюду у варваров известно, что нет более мужественного рода людей, чем аттическое племя (Vesp., 1060—1090). Настоящий панегирик поколению марафонских бойцов содержит финал «Всадников» (1359—1371).

В полном соответствии с высокой оценкой поколения марафономахов, обеспечивших своим ратным трудом могущество и расцвет родного города, Аристофан беспощадно бичует трусов, предателей, дезертиров. Поэт нигде не выступает против рядовой массы, вынужденной сражаться по приказу стратегов: раз дело дошло до войны, долг каждого гражданина — хранить честь отечества. Честные граждане-солдаты, противопоставляя себя корыстным и честолюбивым полководцам, «считают за честь отважно и безвозмездно защищать город и отечественных богов» (Equ., 576—577). Точно также Дикеополь, гордящийся тем, что он «солдат с тех пор, как началась война, честный гражданин, не домогающийся власти» (Ach., 595—596), выгодно отличается от *μισοαρχιδης* Ламаха и ему подобных «юнцов», «стяжателей суточных» (*μισοφοφοῦντας τρεῖς δραχμάς*), врасыпную разбегающихся (*διαδεδρακότας*) от военных обязанностей и укрывающихся в различных посольствах¹. Дикеополь особенно возмущен тем, что в то же время седые старики отправляются в поход (599 сл.). В «Осах» граждане, уклоняющиеся от исполнения патристического долга, в образной форме характеризуются как паразиты-трутни, которые сидят дома и не принимают участия в войне, не испытывают лишений в походах, но зато поедают у стариков-гелиастов *τὸν πόνον τοῦ φόρου* («дань, приобретенную таким трудом» — Vesp., 1114—1119). В соответствии с общим характером политических взглядов Аристофана схолиаст не без основания замечает, что под трутнями поэт понимает ораторов. В таком плане становится понятным и один из мотивов оправдания Лабета в комическом собачьем процессе, который разыгрывается перед Филоклеоном. Бделиклеон указывает, что Лабет (прозрачный намек на стратега Лахета) — беспоконный пес, никогда не остается на одном месте, т. е., по замечанию схолиаста, всегда в походах, между тем как его обвинитель, пес Кидафинский (намек на Клеона, происходящего из дема Кидафина) — домосед, *οἰκοῦρός*, сидя на месте, т. е. уклоняясь от походов, требует себе часть от добычи, которую кто-либо приносит извне (Vesp., 964—972). Особенно достается в комедиях Аристофана трусу Клеониму (*ρίψασπις*), бросившему свой щит на поле боя и спасшемуся бегством. Его имя становится нарицательным для обозначения бесчестного дезертира и симулянта, опозорившего родителей и запятнавшего свою честь. Аристофан не устает изощряться в самых разнообразных напаках по его адресу².

Наконец и отношение Аристофана к *καλοὶ κἀγαθοί*, из среды которых с конца VI в. вплоть до последней трети V в. выходили такие руководители афинской демократии, как Солон, Клисфен, Перикл, несомненно связано с идеализацией эпохи греко-персидских войн и поколения марафономахов. Для эпохи пятидесятилетия лидеры демократии из числа *καλοὶ κἀγαθοί* — характерная черта, резко отличающая ее от современной Аристофану «радикальной демократии», во главе которой стоят люди незнатного происхождения, вроде кожевника Клеона или торговца лампами Гипербола. Если вспомнить о присущем консервативной афинской демократии

¹ См. С. Я. Лурье, *Observatiunculae Aristophaneae*, ЖМНП, 1917, № 10, стр. 312—323.

² Aves, 1473—1481; Vesp., 15—27, 592, 823; Pax, 446, 673—678, 1295—1304; Nub., 400, 673—674, 680.

недоверии к людям неафинского происхождения, мелким торговцам, метекам и т. п., то легко понять в должном историческом освещении и упрек, обращенный Колбасником к народу (Епи., 738—740), и известную парабасу «Лягушек» (718—737), в которой противопоставление *καλοὶ καὶ ἄδοτοι* негодным людям «дурного чекана» отражает все ту же ориентацию аристофановской комедии на период расцвета «крестьянской демократии» первой половины V в. — ориентацию столь же утопическую, как и вся социальная программа аттического крестьянства в эпоху кризиса афинской рабовладельческой демократии.

При всей противоречивости отношения аттического крестьянства к афинской рабовладельческой демократии в той форме, какую она приняла в годы Пелопоннесской войны, принципиальная поддержка им демократических основ афинской государственности не вызывает сомнений. Это обстоятельство подчеркивается также недвусмысленно отрицательным отношением комедии Аристофана к олигархическим политическим группировкам, подготовлявшим переворот 411 г., в частности его выпадами против Писандра и членов олигархических гетерий в «Лисистрате», не говоря уже о карикатурной фигуре представителя чрезвычайной власти — пробула — в той же комедии. Есть, однако, и еще один интереснейший факт, уже выходящий за пределы материала аттической комедии, но целиком подтверждающий правильность нашей оценки взаимоотношений аттического крестьянства и афинской демократии. Речь идет о том, что во время событий 404—403 гг. аттическое крестьянство нашло в демократии защиту от хищнических воцелений 30 олигархов и — в известной части — выступило как активная сила против 30 тиранов.

Лисий, Ксенофонт и Аристотель свидетельствуют, что террор 30 олигархов коснулся не только приверженцев «радикальной демократии», но и всех афинских граждан — может быть, только за исключением трех тысяч, вошедших в особый список и составлявших опору олигархии¹. Ужасная участь постигла не только многих жителей Афин и окрестностей, но также и жителей Саламина и Элевсина — триста граждан были одним приговором осуждены на смертную казнь². Источники не сообщают, чтобы олигархи делали какое-нибудь различие между городскими жителями и землевладельцами. Наоборот, в программе олигархии 30-ти входило, как видно из Ксенофонта, не только устранение политических противников (Hell., II, 3, 14; 16—17) и убийства ради присвоения денег и чужого имущества (3, 21; 38—40), но и **к о н ф и с к а ц и я** з е м л и у лиц, не входивших в число т р е х т ы с я ч, т. е. у подавляющего большинства населения, в пользу реакционных аристократов. Лисий указывает, что землевладельцы не стояли во главе государства, а напротив, многие были изгнаны, многие казнены (XXXIV, 4); Ксенофонт сообщает, что 30 олигархов «арестовывали и сгоняли этих людей (т. е. не вошедших в список) с усадьбы вне города, желая завладеть их землей, а также раздать ее своим друзьям» (Hell., II, 4, 1). Спасаясь бегством, эти люди укрылись в Фивах и Мегарах. «Сейчас вслед за этими событиями, — сообщает двумя строками ниже Ксенофонт, — Фрасибул, совершив из Фив вылазку с отрядом приблизительно из семидесяти человек, захватил укрепленный пункт Филу» (там же, II, 4, 2). Прямая логика событий подсказывает, что афиняне, согнанные с земли, и составили первый отряд приверженцев Фрасибула. Ясно, что при этом речь идет о средних и мелких землевладельцах, так как крупные собственники, могущие служить в кавалерии, как раз и вошли в число трех тысяч

¹ См., например, *Lysias*, XII, 2, 21; XIII, 45; *Xen.*, Hell., II, 3, 21; 24; 32; 39; 43; 44; 51; 4, 1; 10; *Aristot.*, *Ath. pol.*, 35, 3 и 37, 2.

² *Lysias*, XII, 52; XIII, 44; *Xen.*, Hell., II, 4, 7—9.

(Hell., II, 4, 23—24). Затем известно, что когда отряд Фрасибула достиг одной тысячи человек и прибыл в Пирей, в его составе были гоплиты. Фрасибул, выйдя с войсками из Мунихии по дороге, идущей по склону холма от святилища Артемиды Мунихии и Бендидия к Гипподамову рынку, выстроил впереди гоплитов, не более десяти человек в глубину (Hell., II, 4, 10—12). В другом месте Ксенофонт еще раз указывает, что у Фрасибула было много гоплитов (Hell., II, 4, 25; ср. Lysias, XIII, 80, 82). Не располагая данными о ширине этой дороги или какими-либо косвенными свидетельствами, мы не можем определить число гоплитов в войске Фрасибула. Поэтому ограничимся констатацией факта, что не только «корабельная чернь», матросы и ремесленники сражались за восстановление демократии, но и более зажиточные, преимущественно крестьянские, слои, обладавшие гоплитским снаряжением. Впрочем, может быть, гоплитское войско Фрасибула составили зажиточные метеки? Ведь известно, что они и вообще привлекались в качестве гоплитов (Thuc., II, 13, 31) и были, в частности, в войске Фрасибула. Об этом сообщает как Лисий (II, 66), так и эпиграфический фрагмент, относящийся к 401—400 гг.¹ Но в 404—403 гг. метеки еще не могли быть теми в л а д е л ь ц а м и земель, которых 30 олигархов изгнали после казни Ферамена, потому что только исотелия давала метекам право владеть землей, а метеки и другие чужестранцы, находившиеся в войске Фрасибула, ожидали как раз от победы исотелии (Hell., II, 4, 25) — и ожидания их, как явствует из надписи, оправдались. Остается только один вывод — именно, что среднезажиточные афинские землевладельцы, лишившиеся по милости 30 тиранов земли и крова, выступили против них с оружием в руках и составили если не все ополчение гоплитов Фрасибула, то во всяком случае его значительную часть. Результатом этого было не только возвращение землевладельцам принадлежащей им земли (Lysias, XXXIV, 5), но и ясное сознание наиболее дальновидными людьми той простой истины, что демократия является благодетельницей и союзницей крестьянства, а олигархия — его злейшим врагом, посягающим на достояние земледельцев (Lysias, XXXIV, 1, 2, 4—6). Не случайно и у Аристофана, в годы войны не щадившего красок для обличения как лидеров «радикальной демократии», так и главарей олигархов, в последней его комедии в сочувственном освещении появляется Фрасибул (Plut., 550). Аристофан противопоставляет его сицилийскому тирану Дионисию, а схолиасты без малейшего признака иронии наделяют Фрасибула такими оценками, как *δημοφιλής, ἀνὴρ φιλόπολις, ἐραστής τῆς δημοκρατίας* (schol. Plut., 550).

Отношение комедии Аристофана к афинской демократии, прослеженное выше в наиболее существенных аспектах, подтверждает вывод, сделанный нами в предыдущей статье² в применении к фрагментам комиков — его современников: принимая все завоевания рабовладельческой демократии, аттическое крестьянство выступает против неизбежных результатов развития торгово-денежных отношений, против усиливающейся социальной дифференциации внутри государства. Позиция эта в достаточной степени противоречива, как противоречиво и положение аттического земледельца в период кризиса рабовладельческого полиса.

¹ С. А. Жебелев, Документ из эпохи восстановления демократии в Афинах в 401/400 г., «Филол. обзор», т. XV (1898), кн. 1, стр. 47—50.

² ВДИ, 1954, № 2.